

«Эта книга — художественное произведение, но некоторые художественные произведения, возможно, содержат в себе больше правды, чем предполагал автор. В этом и заключается магия».

Аноним

Посвящается Рейчел

ДОГМАТЫ О ПОДНЕВОЛЬНЫХ МЕРТВЕЦАХ

Они должны умереть в смятении.

Они должны быть заколдованы с помощью половины медной монеты и воды Никса.

Они должны быть заколдованы в течение сорока дней.

Они в неволе у тех, кому принадлежат их монеты.

Они — рабы, и выполняют волю своего господина.

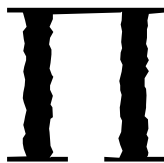
Они не должны причинять вреда своим господам.

Они не имеют права выражать свое мнение и владеть имуществом.

Они не обретут свободу, если она не будет им дарована.

ПРЕЛЮДИЯ

ОСЛЕДНИЕ КАПЛИ ВОДЫ — грязные стеклянные бусины — дрожали на горлышке фляги, отказываясь стекать. Она встряхнула флягу и поймала одну каплю пересохшим языком, а остальные упали на раскаленный песок и зашипели. Она смяла оловянную флягу в руке.

День был похож на раскаленную печь, и он твердо вознамерился ее поджарить.

Раздраженно зарывчав, она посмотрела на мертвых существ.

Одно из них было значительно больше другого — лошадь. Одна из ее ног вывернулась под неестественным углом; сквозь пегую шерсть торчали обломки кости. Каштановые глаза лошади выкатились наружу и помутнели от жары.

Другой труп — поменьше, размером с человека, был замотан в кожаный мешок и связан прочной веревкой. Конец веревки она привязала к своему поясу.

Оба трупа уже начали смердеть.

Женщина еще раз окинула взором горизонт, размытый из-за жары. Он выглядел так же, как и в прошлый раз. Под непреодолимым синим небом раскинулся бесконечный, безликий золотой ковер дюн: недостижимый перевернутый океан манил, издевательски приглашал нырнуть в его глубины.

Солнце стояло высоко над головой, нагревало ситцевую рубашу женщины и белый кожаный капюшон, который не давал лучам запечь ее мозги. Завершали костюм натертые золой кожаные штаны, черные перчатки и сапоги.

Когда она уже не могла оставаться рядом с трупами, она заставила себя встать. Почему-то при этом она почувство-

ПРЕЛЮДИЯ

вала, что ей стало еще жарче. Веревка, привязанная к ее поясу, натянулась. Женщина двинулась вперед. Ей нужно преодолеть еще много миль. Слишком много.

— Твои похороны.

Слова были искаженными, неопробованными. Он наконец-то нарушил тишину. Она не соизволила посмотреть на него, но холодный ветерок подсказал ей, что он рядом. Она никогда бы не призналась в этом вслух, но сейчас она мечтала о том, чтобы он подошел поближе — просто чтобы на миг избавить ее от жары.

— Я говорю, это твои...

— Я все слышала, старый козел. Возвращайся к своим размышлениям.

Переход по пустыне — не веселая прогулка по большим дорогам великого Аракса. Каждый шаг становился выпадом в поединке между ее решимостью и пустыней. А решимости у нее было в избытке. Она сосредоточила свое внимание на задаче. С трудом продвигаясь вперед, она сжимала какой-то комок на груди — монету, висевшую на цепи под рубахой.

За спиной у нее раздавались пустые угрозы:

— Твой труп найдут рядом с моим. Он раздуется на солнце, и вся твоя легендарная красота сгорит без следа.

Еще шаг. И еще. И еще.

Он усмехнулся. Его голос еще не сформировался, и поэтому смешок вышел влажным, хриплым. Она крепко сжала веревку потрескавшимися руками и дернула.

— Твое тело уволочут прочь, словно кусок жучиного мяса, который пролежал неделю — так же беззастенчиво, как ты сейчас обращаешься с моим.

Женщина резко развернулась.

— МОЛЧАТЬ!

«ГОНКА ЗА СМЕРТЬЮ»

Инстинктивно она потянулась к его горлу, но ее пальцы сжали только лишь холодный туман.

Он отступил назад; на его голубой шее не осталось ни следа — если не считать прерывистого, зазубренного шрама от удара ножом, которым она отняла у него жизнь. Шрам сиял ярче, чем другие кружащиеся струйки пара; его края казались почти белыми.

— Ты что-то забыла?

Он улынулся; эта мерзкая ухмылочка слишком часто появлялась на его лице, пока он был жив. Она надеялась, что улыбка умрет вместе с его телом, но, увы, этого не произошло.

— А ты ничего не забыл? — Женщина похлопала по висевшему у нее на поясе медному кинжалу.

— Ты не посмеешь убить меня дважды! — оскалился он, грозя ей пальцем.

Она потянула за рукоять кинжала. Медный клинок блеснул на солнце.

— Скажи еще что-нибудь, тогда и узнаем, что я посмею сделать.

Остроумного ответа, как и едких, наполненных ненавистью, слов, не последовало. Призрак отступил и, мрачно ухмыляясь, поплелся за своим трупом, который женщина бесцеремонно тащила между дюнами.

Женщина потянула за капюшон, чтобы закрыть лицо.

— Видишь? С тобой всегда было приятнее общаться, когда ты держал рот на замке.

ГЛАВА 1

ПРИБЫТИЕ И ОТБЫТИЕ

Королевством будет править тот, кто владеет
наибольшим числом теней.

«УКАЗ ФАЭРЫ, ИМПЕРАТОРА АРКА», 916 ЛЕТ НАЗАД

К

ОГДА ВМЕСТО ТЕПЛОГО приема город бросает на тебя кроважадную толпу, ты можешь подумать, будто сделал что-то не то. Возможно, ты убийца или еретик. Быть может, ты распространяешь заразу или задолжал пару серебряных монет людям, которым неведома совесть.

Да, конечно, я вор, но не убийца. Религия в моей стране, как и в этой, умерла давным-давно. Я ничем не был болен, а мои счета, хотя и скромные, были в порядке. Бешено оглядываясь и, словно гончая, брызгая слюной на куртку, я пришел к выводу, что в эту ночь я стал чьей-то жертвой только по одной причине. Я просто зашел не на ту пристань и не в то время суток в городе, где над законами смеются, а власть принадлежит преступникам.

Невиновность придает сил не больше, чем вина.

Двумя часами ранее

— ДАВАЙ, ДАВАЙ, ДАВАЙ...

Кража со взломом — сложное дело, состоящее из многих этапов, и на каждом из них твое сердце бешено бьется, с тебя течет пот, и ты сжимаешь губы от напряжения. С того момента, когда ты начинаешь взламывать главные ворота, до той секунды, когда ты выбегаешь из них с охапкой добычи, ты находишься под давлением, и бороться с ним ты учишься много лет. Именно эта способность отделяет неумех от настоящих замочных мастеров.

Я принадлежал к числу последних.

— *Мм-мм!*

Но даже у самого опытного взломщика может быть неудачный день. Иногда стресс одолевает человека, заставляет его напрягаться там, где не надо. А затем человек начинает думать о песке, который течет в песочных часах, и напрягается еще больше.

— Ну давай же, твою мать! — воскликнул я и натужился снова.

Я. Лучший замочный мастер и вор в Дальних Краях, жаждал, словно желторотик. Утешало только то, что меня подвели не мои пальцы, славящиеся своим проворством, а моя упрямая задница. От напряжения никакой пользы, если нужно наложить кучу в сейфе какого-то идиота.

— Проклятье!

Я чуть приподнялся — в надежде, что это мне поможет, и снова сосредоточился на своей задаче.

Наградой за усилия мне стал первый пердеж, предвещающий все остальное. Я присел на корточки, почувствовал, как мои кишки расслабляются, а затем что-то шлепнулось на папирус. Я подтерся лежавшей рядом бархатной тканью и натянул на себя штаны.

Перед тем как захлопнуть дверцу сейфа, я взглянул на свои испражнения и невольно поморщился. В сейфе лежали какие-то бумаги — официальные документы, если судить по частично стершейся позолоте по краям и роскошным вензелям, но теперь они были тщательно осквернены. Возможно, это было даже слишком жестоко. В свою защиту я должен заметить, что в последнее время корабельный кок часто готовил похлебку из солонины. Кроме того, старая ведьма, которой принадлежал сундук, в течение всего рейса обращалась со мной, как с каким-то землепашцем из Скола. Она сама виновата, что у нее нечего украсть.

Я пожал плечами, затягивая ремень. Вот будет ей сюрприз. Надеюсь, она едет на какое-то семейное торжество.